

"Царь Иван сударь Васильевич..."

(Симбирск. губ., Сенгилевск. уезда, в селе Стар. Ярлыке)

Царь Иван сударь Васильевич,
Содержатель он всей Руси,
Сберегатель каменнóй Москвы,
При блаженной его памяти,
Поизволил царь жениться:
Он берет не у нас в Москве,
Он берет во иной земле,
У тово ли Темрюка-Мастрюка,
Молодого черкешенина,
Тоё малую сестру,
Да свет Марью Темрюковну.
Он и много приданова берёт:
Двести татаринов,
Полтора ста бояринов
И семь сот донских казаков,
Что ни лучших добрых мóлодцев.

Еще все гости съехались,
Все любимы солетались,
Одного гостя нет как нет,
Нет гостя милого,
Тово шурина родимова,
Ево ли Темрюка-Мастрюка,
Молодого черкешенина.
Еще вон едет милой гость:
Сажают его выше всех,
Пошел пир нáвеселе,
А смиренные на радостях.
Пили, ели, проклажались,
Между собой похвалялися,
Сильной своею силою,
А богатой богатством своим,
Убогой божьей милостию,

Как Бог-ат нас милует,
Государь-царь пожалует,
И будем мы все ровны.
Похваляется Темрюк-Мастрюк,
Он хвалится своей силою:
«Я Москву вашу насквозь пройду,
Не найду я себе спорщика,
С ким бы мог я поборотися!»

Услыхал же про то царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Содержатель он всей Руси,
Сберегатель каменнóй Москвы;
Выходил она на Красно крыльцо,
Говорил он громким голосом:
«Эй вы гой еси, мои слуги верные!
Вы подите в камену Москву,
Прокличьте кличь скорую,
Есть ли у нас, у нашего царя,
Бойцы-борцы, молодые охотнички?
Шли бы на царской двор,
Без доклада государева,
Без допроса безо всякого!»

За Москвой стоит деревнишка,
Что деревнишка Онихина.
Во той ли во деревнишке
Жили два брата родных,
[Два брата родных], два калашничка,
Два Андрея Андреича.
Встают они ранёхонько,
Умываются белёхонько,
Обуваются гладёхынько,
Чулочки подвязывали,
Башмачки на ноги надёвывали,
Свои усы завивывали,
Зá уши усы закладывали,
Приходили на государев двор,
Без доклада государева,
Без доклада безо всякого,

Безо всякого вѣденья¹,
Становились у Красна крыльца.

Услыхал про то Темрюк-Кастрюк,
Молодой черкешенин;
Зашипел он по-змеиному,
Заревел он по-звериному,
Переломал пятьдесят скамей,
Передавил он приданство всё,
Двести татаринов,
Полтора ста бояринов
И семьсот донских казаков,
Что ни лучших добрых мѳлодцев.

Выходил он на Красно крыльцо,
Сохватился с большим братом,
Со Андреем Андреевичам.
Они водѳться поводѳлися,
Межонной день² до вечера
И всю ночь до белѳй зари:
Никто у них не поборол;
Расходѳться расходѳлися,
Между собой поклонилися.
Схватилися со мѳньшим братом:
Тот его берет за левой воротѳк,
Поднимает на правой на носок,
Он припѳднял повыше себя,
Ударил о сыру землю,
По колени его в землю вшиб,
По колени, чуть не по пояс;
Он и цветное платье с него сшиб,
Пустил его кѳсо нѳ босо³,
Пустил его, в чем мать родила.

Услыхала про то малая сестра,
Свет Марья Темрюковна,
Выходила на Красное крыльцо,
Говорила громким голосом:
«Ты крапива, крапивной сын!
Не много вас посеяно,

Да много уродилося!
Хотя бы ты и силён,
И хотя бы тебе Бог пособил,
На что ты так наругаешься
И на что насмехаешься?
Пустил ты его, в чем мать родила?»

Сказал тут царь-государь,
Царь Иван сударь Васильевич:
«Ты баба, ты ба́бье знай!
Не то-то нам дорого,
Что татарин похваляется,
А то-то нам дорого,
Что русак насмехается!»

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.

1 Не спрашивая ни о чём и не давая об себе вести, без ведома, не осведомляясь, безобсылочно.

2 Долгий; полуденный, южный; летний.

3 Бóсо на́ босо, а это уже дальнейшая игра воображения и речи. — О.